

С. И. Берестнев

К вопросу о «погребениях» и «могильниках» каменного века

се возрастающее количество обнаруженных на мустьерских стоянках скелетов неандертальцев, казалось бы, позволяет окончательно решить вопрос о формировании зачатков погребальной обрядности в начале эпохи среднего палеолита. Авторитетное мнение Г. де Мортилье о недостаточном уровне развития человека того времени для осознания феномена смерти [1, с. 390–476] не разделяется большинством современных исследователей, а отмеченная ритуальная повторяемость в обращении с телами покойников подводит к выводу о нормативности обряда захоронения [2, с. 3–9]. Вопрос заключается в том, являлось ли сокрытие останков умершего осознанным сбережением его телесной оболочки в надежде на последующее «возвращение» или сам ритуальный акт погребения изначально имел иную функциональную направленность и иное идеологическое обоснование?

Для архаических культур было характерно мифопоэтическое восприятие действительности, определяющая роль символических, а не утилитарных ценностей, наличие изначально высшего сценария бытия, неукоснительное соблюдение которого гарантировало незыблемость мироздания. Основное содержание этого сценария виделось в борьбе космического, упорядочивающего начала с хаотическими деструктивными силами, а способ понимания мира и разрешения возникающих противоречий обеспечивался мифологией, выступавшей как способ мышления [3, с. 10]. В мифе первоначальный хаос преобразовывался в некое организованное целое, выраженное в доступной схеме, которая могла превратиться в магическое действие, как средство покорения непостижимого. Мир, где пребывал человек и общество в целом, состоял из двух неразрывно связанных сфер: человеческой, освоенной человеком и принадлежавшей ему, и сверхъестественной, божественной, несущей как положительный, так и отрицательный потенциал. Помимо ощущаемой и осознанной действительности был мир аномальный, невидимый, таинственно связанный с высшими силами и недоступный пониманию. Обжитое и используемое пространство было космологизовано и, следовательно, сакрализовано. Только в сакрализованном мире существовали и были известны основные принципы его организации, вне его — господствовал хаос, где утрачивали смысл традиционные человеческие ценности. Освоение новых территорий предполагало их «окультуривание», преобразование в космос при помощи ритуально-магических действий. Наиболее действенным методом сакрализации было установление контакта с потусторонним, что достигалось подношением даров, жертвованием. Жертвоприношение позволяло преодолеть непреодолимую в обычных условиях границу между мирским и божественным.

Не исключено, что мотив «жертвования» умершего члена коллектива сверхъестественным силам, возможно — духам конкретной местности или покровителям более высокого порядка, появился еще в эпоху среднего палеолита. В мустьерских захоро-

нениях Евразии в некоторых случаях отчетливо проявляются черты, позволяющие рассматривать останки умерших с точки зрения их «посвящения» кому-то или чему-то. Показательна ситуация, прослеженная в гроте Регурду во Франции, вход в который, предположительно, был завален еще в древности, так что попасть внутрь можно было только по двум узким вертикальным колодцам в своде. Расчлененное тело молодого неандертальца находилось в неглубокой яме и было перекрыто сверху грудой камней, смешанных с песком и золой. Рядом, за кладкой из горизонтально уложенных плоских каменных плит, обнаружены части туши молодого медведя, перекрытые большой плитой [4, рис. 8–9]. Оба объекта находились на одном уровне, а несомненная взаимосвязь каменных конструкций позволяет рассматривать их как явление одновременное, представляющее остатки культового центра, сакрализованного жертвоприношением человека и медведя (рис. 1,4). Особый характер комплекса из Регурду оправдывает его отнесение к категории святилищ [5, с. 259–260].

Представляется, что остатки культовых жертвоприношений зафиксированы также в гроте у деревни Ля Шапель-о-Сен во Франции. Неполный костяк неандертальца, мужчины 40–45 лет, лежавший в неестественно скорченном положении на спине, находился в подпрямоугольной яме (рис. 1, 2). В грунте заполнения, над головой покойника, зафиксированы передняя конечность быка и часть позвоночного столба оленя, находившиеся в анатомическом порядке, а также фрагменты длинных костей других животных. У входа в грот, в отдельной небольшой ямке, перекрытой каменными плитками, лежали кости бизона — фрагменты черепа, позвоночника, рог, а под ними — кремневый остроконечник [4, с. 194, рис. 3]. В данном случае речь может идти о целенаправленном жертвоприношении умершего человека и крупных частей туш промысловых животных; на отсутствие особого пиетета в отношении тела пожилого мужчины указывает и позиция его тела — неестественная скорченность на спине, при которой колени ног перекрыли нижнюю часть грудной клетки. Складывается впечатление, что тело до наступления трупного окоченения силой втиснули в тесную грунтовую яму. Затем в жертвенную яму были помещены части туш животных. Не исключено, что в данном случае естественная кончина человека, весьма преклонного для палеолита возраста, не находившая объяснения в привычных для неандертальцев категориях, была воспринята как выражение недовольства со стороны сверхъестественных сил, обитавших в этой местности. Чтобы отвести опасность от коллектива, покойник был «передан» этим силам, вместе с дополнительным жертвованием части охотничьей добычи. Процесс «передачи» заключался в выведении покойника из плоскости восприятия (т. е. из визуально воспринимаемого земного мира), что и было достигнуто его сокрытием в грунтовой яме. Аналогичное ритуальное жертвование представляют кости бизона, находившиеся в отдельной ямке. Принципиальных различий между последовательными или одновременными ритуальными актами нет. В обоих случаях речь может идти о жертве потусторонним силам с целью обеспечить их благосклонность и заручиться поддержкой.

Показательна ситуация в скальном навесе Ля Ферраси, где выявлены костные останки 8 неандертальцев, из которых 5 принадлежали детям, в том числе двухнедельному младенцу и восьмимесячному плоду. Почти все скелеты имели следы посмертного расчленения, а места их погребения были определенным образом выделены в пределах обитаемого пространства: горизонтальной вымосткой из плоских камней (костяк 1), кострищем (костяки 2, 3, 4 а, 4 б), небольшой грунтовой насыпью (костяк 5), каменной плитой с чашевидными углублениями на внешней поверхности (костяк 6). В последнем случае череп трехлетнего ребенка был преднамеренно отчленен и помещен в противоположном конце довольно большой ямы, что никак не соответствует желанию сохранить тело (рис. 1, 3). В непосредственной близости от человеческих останков находились ямы, заполненные сломанными костями животных, костяными и кремневыми орудиями [4, с. 194–198, рис. 4]. Как и в гроте Шапель-о-Сен, в них можно видеть свидетельства отдельных жертвенных актов сверхъестественным силам, но выполненных иного рода «дарами».

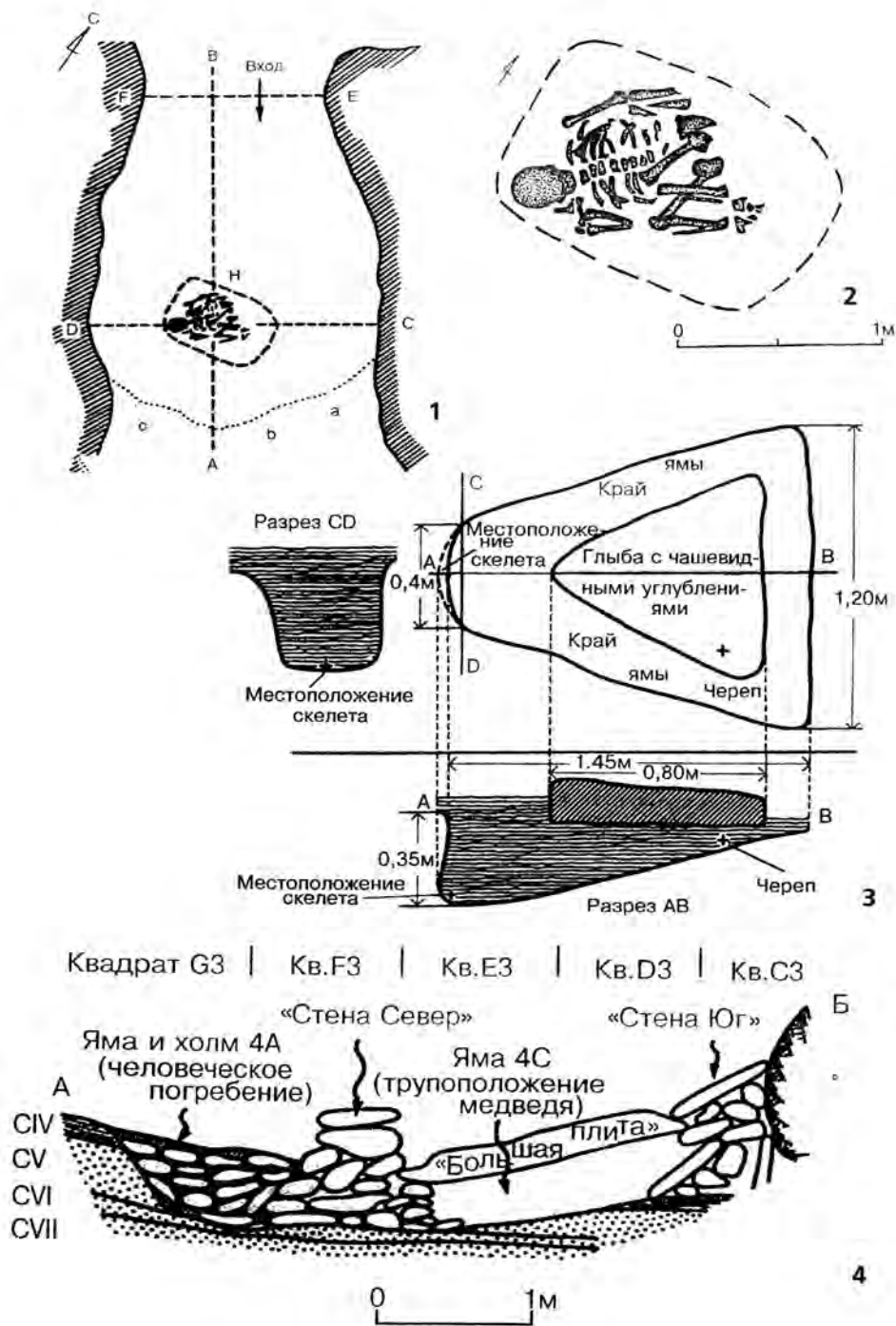

Рис. 1. Мустьерские культурные комплексы (по В. А. Алекшину, 1995):

1 – расположение ритуального комплекса в гроте Ля Шапель-о-Сен; 2 – костяк неандертальца в гроте Ля Шапель-о-Сен; 3 – комплекс погребения б в навесе Ля Феррасси; 4 – вертикальный разрез комплекса в гроте Регурду

Половозрастной состав погребенных, некомплектность костяков, свидетельствующая о посмертных манипуляциях с телами усопших, визуальное выделение мест сокрытия останков на местности, наличие комплексов с жертвоприношением животных и производственного инвентаря позволяют видеть в навесе Ля Ферраси культовый центр, в пределах которого осуществлялись ритуально-магические действия по поддержанию постоянного контакта с потусторонними силами. Косвенно об этом свидетельствуют следы расчленения тел усопших, укладываемые в логику перевода жертвы из «этого» мира в «тот» методом приведения в негодность. Потусторонний мир мыслился как антипод земного, поэтому для достижения его нужно было лишить объект жертвования привычного состояния (для сравнения — преднамеренная порча сопровождающего инвентаря в захоронениях последующих эпох или сожжение жертвы).

Высокий процент неполных («расчлененных?») костяков в мустьерских комплексах некоторые исследователи объясняют использованием охотничьих культов, согласно которым захоронение (сокрытие) останков промысловых животных способствовало их возрождению в прежнем качестве [6, с. 139]. Несмотря на спорность подобного предположения, так как в таком случае погребаться должны были все умершие, а не избирательно отдельные субъекты, тем более новорожденные или мертворожденные, важно отметить, что содержание акта объективно смещается в магико-ритуальную, культовую сферу. Искусственное выведение покойника из предметного земного мира означало его передачу иным силам, то есть жертвование потустороннему. Возможно, вначале такое действие практиковалось только в отношении лиц, умерших естественным образом, поскольку внезапное прекращение жизнедеятельности одного из членов коллектива не поддавалось простому объяснению, тогда как гибель на охоте или в результате несчастного случая укладывались в привычную логическую схему «охотник — добыча». Может быть, именно поэтому так высок процент детских «погребений» на мустьерских памятниках.

Обращает на себя внимание, что в большинстве случаев одиночные «погребения» мустьерской эпохи находились в пределах активно обитаемого пространства, а не на его периферии или поблизости (рис. 1, 1). Анализируя захоронение ребенка-неандертальца в крымской пещере Староселье, А. А. Формозов обратил внимание на то, что оно было совершено в ее центральной части, наиболее удобной с точки зрения практического использования помещения [7, с. 61–64, рис. 35]. Это позволяет предполагать, что захоронение-жертвование «освящало» выбранное пространство, делало его пригодным для жизни и обеспечивало покровительство потусторонних сил. Пожертвование умершего местным духам или божествам превращало их из потенциально опасных в благорасположенных к коллективу.

Ю. А. Смирнов отметил существенные особенности мустьерских «погребений» Евразии: их относительно одновременное появление у антропологически и культурно различающихся групп населения, разделенных подчас огромными пространствами, незначительное количество и ограниченные районы концентрации, специфический для каждого региона половозрастной состав погребенных. По мнению исследователя, это свидетельствует об избирательности погребальной практики у неандертальцев. Причины и характер такой избирательности убедительного объяснения не получили, тем не менее, костные останки людей мустьерской эпохи трактуются как преднамеренные захоронения, как свидетельство становления архаичных представлений о жизни и смерти и попытки преодолеть противоречие между ними в ходе определенного ритуала [5, с. 190–195]. В русле гипотезы о жертвенном характере захоронения человеческих останков речь должна идти о явлении более высокого порядка — формировании архаичных представлений о дуальном устройстве мироздания, о соотношении между мирским и потусторонним, от которого во многом зависела судьба всего коллектива. Подобные представления отражают общий уровень развития культуры в эпоху среднего палеолита и имеют универсальный характер.

О преимущественно культовом характере захоронения человеческих останков свидетельствуют и материалы эпохи позднего палеолита. Одним из наиболее ранних комплексов в Восточной Европе считается погребение ребенка на стоянке Костенки 15, совершенное в полу наземного жилища. В небольшую яму, перекрытую лопаткой мамонта, было помещено тело мальчика 5–6 лет, первоначально находившегося в положении сидя, на специально насыпанной куче глины. Дно ямы обильно посыпано охрой. На покойнике была одежда и головной убор, украшенный зубами песка, его сопровождал богатый и разнообразный инвентарь из кремня, кости, бивней мамонта, никак не соответствовавший его возрасту и возможностям [8, с. 232]. Так же, чересчур богатым и разнообразным представляется набор украшений и орудий труда, сопровождавший тело ребенка в возрасте около 4-х лет на стоянке Мальта в Восточной Сибири. Показательно, что место захоронения было отмечено скоплением рогов северного оленя, первоначально установленных в каком-то порядке и визуальнo выделявшем объект на местности, то есть наделявших его особой сакральностью [9, табл. 19]. Антропологический анализ костных останков покойного показал наличие отклонений от общих норм развития детей этого возраста, что свидетельствует в пользу естественной кончины [10, с. 120]. Возможно, именно эти обстоятельства стали причиной необычной процедуры обращения с телом умершего, так как физические или психологические отклонения от нормы в традиционном обществе воспринимались как свидетельства обладания особой магической силой, избранностью, и после смерти покойника коллектив «передавал» его потусторонним силам с соответствующими «подарками» и просьбами.

Особый интерес представляют захоронения на стоянке Сунгирь возле г. Владимира в Российской Федерации, совершенные в пределах обитаемой территории, причем одно из них (погребение 2) планиграфически связано с наземным жилищем. В длинной и узкой яме находились скелеты двух детей — девочки 7–8 лет и мальчика 12–13 лет, уложенных вытянуто на спине, ногами в противоположные стороны. Оба покойника сопровождалась уникальными по качеству изготовления и богатству наборами охотничьего снаряжения и украшений; некоторые изделия из бивней мамонта имели выраженное культовое назначение. Маловероятно, чтобы дети этого возраста могли играть серьезную роль в ритуальных действиях, поэтому обильный и ценный инвентарь, скорее всего, предназначался неким потусторонним силам, а сложный и семантически насыщенный обряд захоронения-жертвоания призван был установить непосредственный контакт с этими силами. Показательно, что оба ребенка отличались врожденными патологиями в развитии, физически и психологически выделявшими их среди соплеменников, и, вероятно, обусловившими их особый социальный статус «избранных» [11, с. 302–314].

Над костяками подростков, в верхнем ярусе могилы, выявлен еще один скелет, без черепа, предположительно женский. Сопровождающий инвентарь свидетельствует о причастности покойницы к культовой деятельности. Особенно показательны две поделки из сброшенных рогов оленя, которые есть все основания сопоставлять с навершиями посохов или колотушками шаманских бубнов [12, с. 140, рис. 3]. Посох выступает одним из основных орудий шаманов многих народов Сибири: с его помощью шаманы перемещаются по верхнему и нижнему мирам, он служит для проводов души умерших в загробное царство, воплощает мировое дерево, является универсальным орудием в создании вселенной [13, с. 215; 14, с. 254; 15, с. 163–165; 16 с. 36–39]. Чудодейственные свойства посоха, воплощавшего непосредственную связь со сверхъестественным, отражены в ведийской и авестийской мифопоэтических традициях [17, с. 81; 18, с. 347]. Наличие подобных культовых инструментов позволяет видеть в верхнем костяке погребения 2 основное действующее лицо церемонии, колдунью или шаманку, обязанную в силу своих свойств доставить жертвы (подростков) и богатые дары по назначению. В данном случае важна сопряженность захоронения-жертвоания с покинутым жилищем, символически воплощавшим границу между земным и потусторонним.

Еще более показательным погребением 1, принадлежавшее мужчине 55–65 лет, уложенному также вытянуто на спине, головой на северо-восток. Детально прослеженная стратиграфия могильной ямы свидетельствует о сложном и многоактовом обряде захоронения останков покойника. Вначале дно ямы было засыпано принесенными со стороны золой и древесными углями, а затем покрыто мощным слоем красной охры. Умерший был уложен в нателной одежде, богато расшитой бусами, засыпан охрой и накрыт украшенным бусами покровом. Особо следует отметить браслеты из бивня мамонта, нашитые на рукава и представляющие «шумящие» элементы одеяния колдуна или шамана. В процессе заполнения могилы землей сплошная охровая посыпка использовалась не менее трех раз. На древней дневной поверхности толстый слой охры образовал красное пятно, визуально контрастно выделявшее комплекс на фоне окружающей почвы и растительности. В юго-западной части охрового пятна был уложен крупный плоский камень и человеческий череп без нижней челюсти, судя по следам надрезов на поверхности, с искусственно удаленными мягкими тканями [19, с. 151–152]. Не исключено, что череп принадлежал женщине, захороненной в верхнем ярусе погребения 2. В таком случае семантическая связь обоих комплексов представляется очевидной. Указанные обстоятельства свидетельствуют о намеренном выделении части пространства, то есть о его искусственной сакрализации, вероятно, превратившей место погребения в церемониальный объект, где могли осуществляться культовые действия.

В эпоху палеолита погребения людей были эпизодичны и, как правило, отражали экстраординарную ситуацию, преодолеваемую особым ритуалом, имевшим целью не сохранение останков соплеменника, а пожертвование его могущественным сверхъестественным силам. Сопряженность захоронения-жертвования и места обитания свидетельствует о неразделенности мироздания в сознании людей, о постоянном и тесном контакте с потусторонним.

В этом отношении основополагающее значение приобретает проблема «избранничества», так как смерть далеко не каждого члена социума воспринималась как катастрофическое нарушение существующего миропорядка. Угрожающей становилась ситуация, приводившая к временной утрате «канала коммуникации» с миром потустороннего, поскольку коллектив лишался возможности влиять на последующий ход событий. Подобная коллизия возникала со смертью «посредника», носителя культовой функции, персонифицировавшего непосредственный контакт с сверхъестественным. Представляется, что именно «проводы» служителя культа или субъекта, обладавшего или наделявшегося сверхъестественными способностями и, в силу этого, занимавшего особое место в социуме предполагали обязательное осуществление комплекса обрядово-ритуальных действий, конечным итогом которых было восстановление канала связи и, возможно, передача посреднических функций другому лицу. При этом останки покойного символическими средствами передавались потусторонним силам как жертва, призванная вернуть их расположение. Определенным образом организованное место упокоения приобретало особую сакральную значимость и предметно воплощало точку соприкосновения земного и потустороннего, то-есть превращалось в культовый объект.

Предположение об избирательности в отношении «погребения» умерших сородичей и приоритете субъектов, причастных к культовой деятельности, наметившееся в позднем палеолите, находит подтверждение в материалах мезолитических могильников, которые правильнее было бы называть культовыми объектами, предметно воплощавшими каналы связи с потусторонним.

Для эпохи мезолита прослеживается новая тенденция в организации культовых центров — их территориальная обособленность от мест непосредственного проживания, подчеркивающая особое значение этих комплексов. За пределами стоянок находились объекты в урочищах Попово и Песчаница возле озера Лача в Архангельской области Российской Федерации, относимые к памятникам среднемезолитической

культуры Веретье. Формирование культового объекта особенно наглядно прослеживается в урочище Песчаница, где на вершине пологого холма выявлен комплекс из 4-х больших ям с темным гумусным заполнением. Планиграфически центральное место занимала яма 1: на дне, покрытом слоем белой глины, расчищены кости лося со следами надрезов и деформированное костяное орудие. Выше, на втором слое белой глины с примесью древесных углей, находились кости ног человека, также со следами надрезов, и отдельные кости животных и птиц (лося, зайца, утки, глухаря), густо засыпанные красной охрой. Неподалеку, в небольшой яме, частично поврежденной современным карьером, обнаружены *in situ* грудной отдел и фрагменты черепа человека, которому, по заключению специалистов, принадлежали кости нижних конечностей, находившиеся в яме 1. К юго-востоку и северо-западу от ямы 1 находились ямы 2 и 4. В яме 2, заполненной охристым песком, найдены отдельные кости животных, а в яме 4, дно которой было покрыто слоем белой глины, выявлены части туши лося (грудной и тазовый отделы) и кремневые ножевидные пластины. На уровне древней дневной поверхности яма была перекрыта вторым слоем белой глины.

Вокруг ям 1 и 2 прослежено более 10 скоплений костей животных, находившихся в неглубоких грунтовых ямках и обильно засыпанных охрой. Несомненно, они представляют остатки отдельных жертвенных актов, связанных с ритуальным объектом ямы 1, отличающимся сложной семантикой. Заключение автора раскопок о ключевом положении погребения человеческих останков не может быть принято, так как последние полностью вписываются в «жертвенную» периферию культового объекта [20, с. 52–55].

Вероятно, в урочище Песчаница выявлены остатки мезолитического открытого святилища со следами неоднократных жертвоприношений, в ряду которых человеческие останки представляют лишь один из жертвенных актов.

В урочище Попово обнаружено 10 погребений, располагавшихся цепочкой по гребню ледникового оза. Все скелеты находились в позиции вытянуто на спине, головами преимущественно на восток, и были засыпаны красной охрой или покрыты слоем белой глины. В некоторых случаях есть основания полагать искусственное расчленение тел (погребения 1, 3, 4). Рядом с могилами находились ямы, заполненные костями животных, каменными и костяными орудиями, часто преднамеренно поломанными. В данном случае приоритет человеческих захоронений очевиден, но речь может идти о погребениях лиц, причастных к культовой деятельности — колдунов или шаманов. Об этом свидетельствует сопровождающий инвентарь: небольшие сланцевые топорики, которые могут представлять навершия жезлов/посохов (погребения I, III), ожерелье из зубов животных (погребение III), остатки пояса с подвесками из подъязычных костей лося (погребение VIII) [20, с. 40–42; 21, с. 127–128, рис. 3;6]. Последние две категории украшений считаются характерным атрибутом шаманского одеяния, несущим символично-магическую нагрузку [22, с. 76–80]. Показательно присутствие полного скелета рыбы в погребении I. В древнейшей мифологии рыба часто отождествляется со змеей, считавшейся представителем «нижнего мира» [23, с. 77]. В данном случае присутствие рыбы в погребении может рассматриваться как свидетельство принадлежности покойного к отправлению хтонических культов и посвящению его божествам преисподней.

Наиболее яркий пример изолированного церемониального центра представляет известный некрополь на Оленьем острове в северной части Онежского озера [24, с. 5]. На этом небольшом участке суши за годы исследований выявлено 177 погребений, тогда как общее их число, с учетом разрушенных поздним карьером, могло быть примерно вдвое больше. Такое количество не кажется чрезмерным ввиду долговременности функционирования культового объекта, в свете современных представлений — не менее 500 лет [25, с. 240]. Подобное соотношение — примерно 1 погребение в полтора—два года, само по себе, свидетельствует об исключительности проводившихся там ритуальных актов и особом положении покойников в си-

стеме социальной иерархии. Удаленность и относительная труднодоступность Оленьего острова обеспечивали эзотерический характер обрядов и сохранность культовых объектов.

Предполагается, что основание комплекса связано с захоронением № 100, принадлежавшим мужчине среднего возраста и могучего телосложения, погребенным в вертикальной позиции [26, с. 16–22]. Тело покойного опиралось на наклонную северо-восточную стенку ямы, так что голова, по-видимому, возвышалась над древней дневной поверхностью. Череп на момент расчистки костяка отсутствовал, но не исключена возможность его естественного разрушения под действием природных факторов или позднейшего перемещения. Косвенным образом это предположение подтверждается тем обстоятельством, что на уровне частично сохранившейся нижней челюсти прослежен мощный горизонтальный слой красной охры, занимавший площадь $0,6 \times 0,7$ м и маркировавший уровень древнего горизонта [24, с. 340]. Интенсивное охровое пятно и возвышавшаяся над ним голова человека контрастно выделяли комплекс в окружающем ландшафте (для сравнения — охровое пятно, большой плоский камень и череп человека с искусственно удаленными мягкими тканями на поверхности погребения 1 на стоянке Сунгирь, о чем упоминалось выше). Таким образом, речь должна идти об искусственной сакрализации объекта путем его контрастного выделения в визуальном восприятии.

Кем был человек, погребенный на уединенном островке по нестандартному обряду и, вероятно, персонифицировавший в глазах современников точку соприкосновения земного с потусторонним, судить можно только на основании косвенных данных. Необычность места и положения указывают либо на чрезвычайные обстоятельства, необходимость преодоления которых обусловила особенности комплекса, либо на личные свойства покойного, обеспечившие ему при жизни особое положение в коллективе. Представляется, что речь может идти о представителе культа, наделенном (или наделявшемся) большой магической силой в общении с потусторонним и ставшим духовным лидером для населения всей округи. О причастности погребенного к культовой деятельности свидетельствуют подвески из нижних челюстей бобра на поясе и набор из 26 костяных и кремневых наконечников стрел, находившихся на уровне груди [24, с. 340]. Этнографические данные свидетельствуют, что пояс, очень часто с подвесками и украшениями из челюстей и зубов животных, был непременным атрибутом шамана при камлании, к нему слетались духи-помощники [13, с. 211]. Сакральная семантика лука и стрел, как оберегов и посредников в общении с потусторонним, неоднократно отмечалась исследователями [27; 28; 29; 30]. Как орудие, использовавшееся в культовых действиях (например, в жертвоприношениях), может рассматриваться костяной кинжал с кремневыми вкладышами, располагавшийся вместе со сланцевыми пластинами и клыком медведя у правого плеча. Кинжал орнаментирован параллельными рядами насечек, образующих зигзаги [24, рис. 50 а, 4]. Зигзаг или волна семантически равнозначны и, начиная с верхнего палеолита, выступают в качестве обозначения змеи или водной стихии. По мнению некоторых исследователей, зигзаг символизирует след зверя, а ряды параллельных зигзагов заключают в себе заклинание о богатой добыче [23, с. 103].

Исключительное значение покойного для всего сообщества обусловило превращение места его захоронения в культовый центр, наделенный особой сакральной силой. На уединенном островке, который сам по себе воплощал магическую границу между мирским и потусторонним, в дальнейшем осуществлялись погребения лиц, прямо или косвенно причастных к культовой деятельности или «пожертвованных» в силу чрезвычайных обстоятельств. Именно выраженная сакральность этого участка местности, закрепленная в памяти поколений традицией, обеспечила длительный период эксплуатации святыща. Как межплеменной сакральный институт оценивает Оленеостровский комплекс А. Д. Столяр. В его создании он видит результат консолидирующей

роли совместной похоронной деятельности в среде неоднородного в этнокультурном плане населения Повенежской губы. основополагающим в наметившейся духовной интеграции явилось погребение лидера (№ 100), пользовавшегося при жизни особым авторитетом и известностью и после смерти мифологизированного в роли «символично-предковой фигуры» [31, с. 169]. Представляется, что смещение акцента с гипотетической избирательной селекции в «зачатии патриархального образа родоплеменного героя» в сторону функционера культовой сферы, объективно игравшей консолидирующую роль в начальном этногенезе, подводит под предположение о сакральном характере Оленеостровского некрополя более надежное основание.

По всей видимости, формирование обособленных церемониальных центров в эпоху мезолита отражает определенный уровень развития духовной культуры, связанный с опытом чувственного осознания окружающей действительности и становлением целостных религиозно-мифологических доктрин. На стадийный характер отмеченных процессов указывают мезолитические могильники степного юга Восточной Европы, исследованные на территории Украины — Волошский, Васильевские I и III, Чаплинский и др. [32; 33; 34]. Они были сосредоточены на сравнительно небольшом отрезке Днепровского Надпорожья и занимали возвышенные участки, визуально выделявшиеся в прилегающей местности. Судя по преобладающему скорченному на боку положению погребенных, часто окрашенных красной охрой, и преимущественной безинвентарности комплексов, они отражают иную ритуально-обрядовую традицию, но в русле общей тенденции к выделению культовых центров. Не исключено, что в приднепровских некрополях более определенно проявляются особенности становления культа мертвых, получившего дальнейшее развитие в последующую, неолитическую эпоху.

Культе мертвых у населения северопричерноморских степей особенно выразительно проявляется в неолите, о чем свидетельствуют коллективные могильники мариупольского типа. В их оценке ключевое значение имеет определение характера и назначения групповых усыпальниц. Некоторые обстоятельства не позволяют видеть в них просто «кладбища», где захоранивались останки умерших сородичей. Во-первых, территориальная ограниченность «могильников», никак не обусловленная рельефом местности и, вероятно, имевшая конкретные побудительные мотивы. Во-вторых, скученность костяков, в условиях которой они перекрывали друг друга и нередко располагались в несколько ярусов. Такая ситуация могла возникнуть в случае, если останки умерших надлежало помещать в пределах ограниченного участка, наделавшегося свойствами «контактной» зоны с миром потустороннего, и обладавшего особой сакральностью. Подобным участком могло быть только открытое святилище, сакрализованное установленными ритуалами и предметно воплощавшее «канал коммуникации» с миром предков.

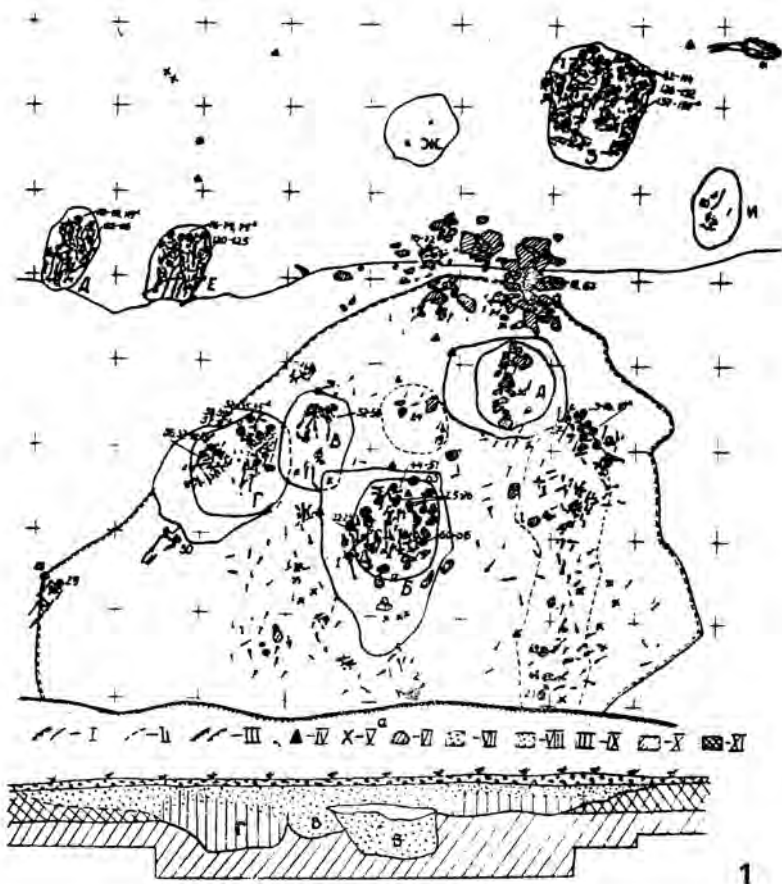
В Мариупольском могильнике более 120 скелетов находились в пределах окрашенной охрой полосы размерами 28×2 м, ориентированной в меридиональном направлении [35, с. 11]. Процесс формирования коллективной усыпальницы оценивается по-разному. А. Д. Столяр реконструировал некрополь как вырытую заранее траншею, постепенно заполнявшуюся останками покойников и, возможно, перекрытую строением на бревенчатой основе, своего рода «домом мертвых». Ограниченные размеры траншеи обусловили залегание костяков в несколько ярусов и позднейшие пристройки к ней с северной и южной стороны [36, с. 34–35, рис. 8]. Н. С. Котова пришла к выводу, что полоса сформирована совокупностью ям индивидуальных неокрашенных погребений, которые нередко нарушались при совершении более поздних захоронений с охровой засыпкой [37, с. 48–49]. Это положение осталось недоказанным, поскольку размеры и контуры первоначальных ям не были установлены, несмотря на то что они совершались в материке. Обращает на себя внимание высокий процент (около 24 %) некомплектных костяков, что традиционно объясняется их разрушением более поздними захоронениями. Имеющиеся стратиграфические и планиграфические данные свидетельствуют, что во многих случаях речь может идти о захоронении расчлененных

тел, иногда — отдельных черепов (пп. XXIX—XXXIII, XC—XCVI и др.). Охровая засыпка погребений верхних ярусов визуально выделяла усыпальницу на местности, даже без наличия деревянных конструкций.

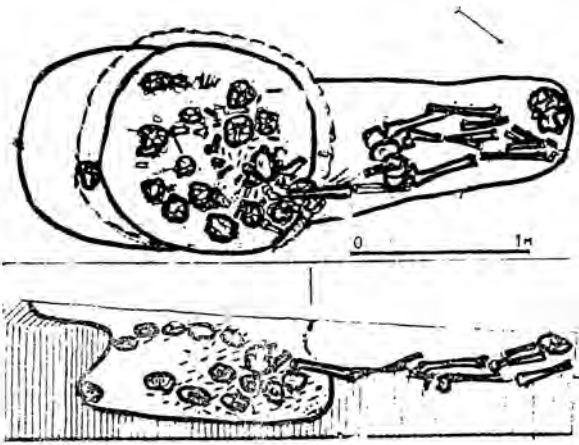
Предложенная трактовка Мариупольского комплекса как открытого святилища, а не «кладбища» умерших сородичей, находит подтверждение в материалах Никольского могильника, представляющего пример продолжительного функционирования культового центра. Могильник находился на краю высокого правого берега Днепра, господствовавшего над прилегающей долиной реки. Основную позицию в площади объекта занимало большое углубление прямоугольных в плане очертаний, не исключено естественного происхождения, выделявшееся красноохристым грунтом заполнения, достигавшим мощности 0,7 м. В нем содержались кости животных, фрагменты керамики, изделий из камня и кремня, разрозненные человеческие кости и отдельные черепа людей, залегавшие по всей толще без видимого порядка [38, с. 77]. Стратиграфические данные позволяют предполагать, что основание комплексу было положено ямой Г, в северной части которой, заполненной однородным серым грунтом, выявлены останки 10–15 покойников. На дне находился целый скелет мужчины 35–45 лет, лежавший вытянуто на спине, головой к западу. У непосредственно перекрывавшего его костяка (женского?) отсутствовали кости ног. Второй ярус заполнения составляли разрозненные кости и черепа [39, с. 53]. Состояние человеческих останков позволяет видеть в яме Г не коллективную могилу, а своеобразный жертвенник, связанный с первоначальным погребением мужчины, не исключено, причастного к отправлению культа и наделенного функциями «связующего звена» с миром потустороннего. Яма-жертвенник явилась «ядром» святилища, возле нее стали проводиться обряды, приведшие к образованию красного охристого слоя. Он мог сформироваться в результате многократных ритуальных действий, сопровождавшихся жертвоприношениями людей, животных и различных предметов. Регулярное использование красной охры, помимо символических свойств красного цвета — воплощения крови, огня, жизненной силы, визуально выделяло этот участок в окружающей местности и способствовало его дополнительной сакрализации.

Возможно, позднее святилище было «активизировано»: с уровня нижней границы красного слоя впущена яма В, частично прорезавшая край ямы Г. Предположительно, в ней были захоронены субъекты, имевшие отношение к отправлению культов, мужчина 35–45 лет и женщина 20–25 лет, также уложенные вытянуто на спине, головой на запад. На это указывают сопровождавшие их вещи — подвески из недоразвитых зубов оленя и зубов вырезуба, возможно, воплощавшие духов-помощников. В верхней части заполнения ямы находились черепа взрослого, подростка и ребенка, а также разрозненные человеческие кости [39, с. 53, 56].

Следующим этапом функционирования святилища стало сооружение в его центральной части ямы Б, имевшей прямоугольные в плане очертания и пологий спуск-вход с восточной стороны. Сверху яму перекрывало кострище, мощностью до 0,35 м, содержавшее большое количество древесных углей и обугленных бревнышек. Предположение автора раскопок [39, с. 9] об образовании зольно-угольного слоя в результате сгорания перекрывавшей яму деревянной конструкции в виде шалаша не может быть принято, так как горизонтальное положение слоя свидетельствует о том, что он образовался после того, как яма была заполнена красноохристым грунтом (рис. 2, 1). В противном случае слой имел бы в разрезе прогнутую форму. В толще красноохристого заполнения ямы, главным образом на дне, выявлены 15 человеческих черепов, преимущественно без нижних челюстей, и много разрозненных костей. В верхнем ярусе заполнения расчищены два парных захоронения людей пожилого возраста, лежавших, как и в предыдущих случаях, вытянуто на спине, головами на запад. Показательно, что на костях заметны следы обугливания от горевшего выше огня. По всей вероятности, эти погребения знаменовали прекращение использования ямы-жертвенника, после чего над ней был разведен мощный костер.

1

2

Рис. 2. Неолитические культовые центры (по Д. Я. Телегину, 1991):

1 – Никольский могильник; 2 – Лысогорский могильник

Выраженный культовый характер имела синхронная яма А, находившаяся в северо-западном углу святилища. В нижнем ярусе ее заполнения найдена часть круглодонного сосуда, в верхнем, на кострищном слое — череп и тазовая кость взрослого человека, челюсть собаки, щиток болотной черепахи, створка раковины *unio*, украшение из клыка кабана и днище плоскодонного сосуда [39, с. 51]. Обращает на себя внимание, что останки человека ничем не выделяются из числа прочих жертвоприношений.

В ходе продолжавшихся в святилище культовых церемоний возникла южная часть ямы Г, частично прорезавшая ее северную половину. В заполнении ямы обнаружены останки, по крайней мере, пяти расчлененных тел покойников и отдельные украшения, в том числе медные бусы и изделие из клыка кабана.

В дальнейшем, в связи с «перенасыщением» ямами-жертвенниками площади святилища, остатки культовых действий стали захораниваться за его пределами. Так возникли ямы Д—И, образовавшие периферию святилища (рис. 2, 1). В них выявлены расчлененные, реже — целые костяки более 50 человек [39, с. 53–54].

Вероятно, близкая по содержанию культовых действий ситуация зафиксирована в Лысогорском и Ясиноватском могильниках, в которых прослежены большие четырехугольные в плане углубления с красноохристым заполнением, насыщенным разрозненными костями человека и животных, фрагментами керамики. Внутри углублений, трактуемых как святилища, прослежены небольшие ямы, содержавшие преимущественно расчлененные костяки людей и отдельные черепа (рис. 2, 2). Сходство во внешнем оформлении культовых центров подчеркивается и наличием в Никольском и Ясиноватском могильниках каменных вымосток на уровне древнего горизонта [39, с. 51, 77].

Обращает на себя внимание, что в обрядах, связанных с умершими, не ставилось целью сохранить в неприкосновенности их тела, что трудно объяснить с точки зрения «захоронения» как способа сбережения телесной оболочки. Нередко, при совершении впускных захоронений в пределах «святого места», разрушались лежавшие ниже костяки. В некоторых случаях имеются признаки «вторичных» погребений, когда в яму помещали отдельные кости, уже лишенные мягких тканей. Достаточно распространенной следует признать практику захоронения отдельных черепов, как правило, без нижних челюстей (яма Б Никольского могильника, яма № 4 Лысогорского могильника и проч.) [39, с. 52, 73–74]. О. Н. Бадер, анализируя ситуацию с погребением I на стоянке Сунгирь, предположил, что череп мог рассматриваться какместилище души близкого человека [19, с. 151–153]. Этнографические и археологические данные свидетельствуют, что представления о черепе, как о месте пребывания души бытуют у многих народов мира [40, с. 36; 41, с. 38; 42, с. 262; 43, с. 103; 44, с. 135].

Вероятно, близкая по характеру и содержанию культовых действий ситуация зафиксирована в могильнике у с. Съезжее в Среднем Поволжье, занимавшем вершину курганообразной возвышенности на второй надпойменной террасе р. Самара. Организующим центром комплекса выступает участок размерами примерно 4×6 м, в пределах которого выявлены четыре погребения (пп. 3, 5, 6, 7), сопровождавшиеся богатым и разнообразным инвентарем. Во всех случаях есть основания предполагать ритуальное расчленение захороненных; два погребения принадлежали детям в возрасте 1,5–3 лет. Останки детей сопровождались предметами, не соответствовавшими их возрасту и социальному положению: каменными теслами и долотами, кремневыми ножами, костяными поделками с изображениями утиных головок на концах, фигурками двухголового животного (быка?) из эмали кабаньего клыка [45, с. 151–152, рис. 3]. Выраженный культовый характер последних изделий позволяет предполагать, что они предназначались для «передачи» потусторонним силам и служили медиаторами жертвоприношения.

На заключительной стадии формирования культового объекта весь участок был обильно засыпан красной охрой и на его поверхности размещены «дары»: черепа и кости конечностей двух лошадей, развалы лепных сосудов, костяной гарпун, бусы

из раковин [45, с. 147–148, рис. 1]. Не исключено, что они, как и периферийные погребения, представляют более поздние жертвоания, связанные с эксплуатацией церемониального центра.

В целом, есть основания полагать, что места упокоения умерших сородичей являлись не обычными кладбищами, а культовыми центрами, где осуществлялись ритуальные действия, имевшие целью поддержание контактов с потусторонним миром. Удача в делах, урожай, приплод скота, безопасность и процветание коллектива ставились в прямую зависимость от расположения «предков», в которых видели заступников и покровителей. Отдаленность культовых объектов от мест проживания указывает на то, что сакральная сфера была окончательно отделена от профанной. Это предполагает существование космогонических схем, объяснявших возникновение и устройство вселенной, и становление неразрывно связанных с ними религиозных верований.

Рассмотренные обстоятельства позволяют сделать некоторые предварительные выводы:

- 1) эпизодические находки костных останков неандертальцев на мустьерских стоянках могут рассматриваться как свидетельства приношения в дар сверхъестественным силам умерших, скорее всего, естественным образом сородичей (что не исключает возможности насильственного умерщвления представителей чужого коллектива). Жертвоприношение в пределах обитаемого пространства «окультуривало» его, делало безопасным и благоприятным для проживания. По-видимому, такую же функциональную направленность имели жертвоания духам отдельных частей туш промысловых животных и производственного инвентаря, нередко фиксируемые на мустьерских памятниках. Жертвоание имело целью установление контакта с потусторонним в данной местности, которая таким образом включалась в сакрализованную часть вселенной.
- 2) В верхнем палеолите функции «посредников» в общении со сверхъестественными силами персонифицируются и сосредотачиваются в руках представителей культа — колдунов, шаманов, знахарей и т. п., которые способны были поддерживать установленные связи специфическими средствами. Поскольку они в сознании современников только отчасти принадлежали земному миру, после кончины их, с соблюдением соответствующего ритуала, «передавали» потустороннему, а места их упокоения превращались в культовые объекты, предметно воплощавшие точку соприкосновения с «иным миром» и выступавшие в роли организующего центра ойкумены.
- 3) В мезолите развитие мифологического мышления привело к разделению в сознании людей сакральной и профанной сфер мироздания, на что указывает формирование обособленных церемониальных центров, в пределах которых концентрировалась культовая деятельность, приобретающая все более эзотерический характер. Основание центра было, как правило, связано с упокоением представителя культа, своим присутствием наделявшего избранный участок свойствами «канала связи» с потусторонним.
- 4) Неолитические «могильники» юга Восточной Европы представляют собой свидетельства продолжительного функционирования открытых святилищ, связанных с культом мертвых и выступавших в качестве мощного фактора консолидации населения значительных территориальных регионов.
- 5) Сокрытие останков умерших или погибших сородичей в земле изначально преследовало цель не сохранения их телесной оболочки, а перевода в иное качество, передачи потусторонним силам в качестве дара, жертвы. Жертвоание коллективом своего представителя приобретало абсолютную ценность, поскольку способствовало установлению связей со сверхъестественным в природе, обеспечивало покровительство таинственных и могущественных сил, «окультуривало» прилегающее пространство и гарантировало

сохранение миропорядка. Поэтому находки костных останков умерших, по крайней мере, для каменного века правомерно рассматривать как свидетельства проведения магических ритуалов, а не как становление погребальной практики.

Ключевые слова: Эпоха мустье, неандертальцы, погребения, Оленеостровский могильник, культовый объект, неолитические могильники Поднепровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mortillet G.* Le préhistorique: origine et antiquité de l'homme. — Paris: Schleicher, 1900.
2. *Алекшин В. А.* Погребальный обряд как археологический источник//КСИА. — 1981. — № 167.
3. *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд)//Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. — М.: Наука, 1982.
4. *Алекшин В. А.* Мустьерские погребения Западной Европы//Археологические вести. — № 4. — СПб., 1995.
5. *Смирнов Ю. А.* Мустьерские погребения Евразии. — М.: Наука, 1991.
6. *Алекшин В. А.* Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока //Археологические вести. — № 3. — СПб., 1994.
7. *Формозов А. А.* Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите//МИА. — № 71. — М., 1958.
8. *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма //Палеолит СССР. — М.: Наука, 1984.
9. *Герасимов М. М.* Мальта — палеолитическая стоянка. — Иркутск, 1931.
10. *Герасимов М. М.* Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта//Палеолит СССР. — Л., 1935.
11. *Бужилова А. П.* Анализ аномалий и индикаторов физиологического стресса у неполовозрелых сунгырцев //Homo sungsirensis. Эволюционные и экологические аспекты исследования человека верхнего палеолита. — М.: Научный мир, 2000.
12. *Бадер О. Н.* Вторая палеолитическая могила на Сунгире (верхнее погребение) //СА. — 1073. — № 3.
13. *Хомич А. В.* Ненцы. — М.; Л., 1966.
14. *Василевич Г. М.* Эвенки. — Л., 1969
15. *Иванов С. В.* Скульптура народов севера Сибири XIX—первой половины XX в. — Л., 1970.
16. *Сагалаев А. М.* Урало-алтайская мифология. — Новосибирск, 1991.
17. *Нарайан Р. К.* Боги, демоны и другие. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1974.
18. *Дрезден М.* Мифология древнего Ирана//Мифология народов мира. — М.: Наука, 1976.
19. *Бадер О. Н.* Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь //СА. — 1967. — № 3.
20. *Ошибкина С. В.* Мезолитические погребения Восточного Прионежья//Археологические вести. — № 3. — СПб., 1994.
21. *Ошибкина С. В.* Мезолитический могильник «Попово» на р. Кинеме//СА. — 1982. — № 3.
22. *Сериков Ю. Б.* К вопросу о семантике некоторых атрибутов шаманов каменного века//Структурно-семиотические исследования в археологии. — Т. 2. — Донецк, 2005.
23. *Голан А.* Миф и символ, — Иерусалим; М.: Русслит, 1994.
24. *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник//МИА. — № 47. — М.; Л., 1956.

25. *Столяр А. Д.* О мировоззренческих факторах мезо-неолитического этногенеза на севере Европейской России (по археологическим памятникам Карелии)//Археологические вести. — СПб., 2001.
26. *Столяр А. Д.* Оленеостровский могильник и его погребение № 100 как агенты мезолитического этнокультурогенеза Севера//Древности северо-западной России. — СПб., 1995.
27. *Потапов А. П.* Лук и стрела в шаманстве у алтайцев//СЭ. — 1934. — № 3.
28. *Семенов В. А.* Кремневые наконечники стрел из полярных святилищ Урала: семиотический аспект//Проблемы культурогенеза и культурное наследие. — Ч. II. — СПб., 1993.
29. *Кызласов И. А.* Камень Дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука)//ЭО. — № 4. — 1999.
30. *Сефилов Ю. Б.* Шаманские погребения каменного века//Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. — Т. 6. — Новосибирск, 2003.
31. *Столяр А. Д.* Вертикальное погребение (мезолит) как предтеча монументального антропоморфного образа//Древности Подвинья: исторический аспект. — СПб., 2003.
32. *Добровольський А. В.* Могильник в с. Чаплі//Археологія. — 1954. — № 8.
33. *Даниленко В. Н.* Волошский эпипалеолитический могильник//СЭ. — 1955. — № 3.
34. *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України. — К.: Наук. думка, 1981.
35. *Макаренко М.* Мариупільський могильник. — К., 1933.
36. *Столяр А. Д.* Мариупольский могильник как исторический источник//СА. — 1955.— Т. XXIII.
37. *Котова Н.* Похоронный обряд Мариупольского могильника//Археологія. — 1990. — № 3.
38. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. — К.: Наук. думка, 1968.
39. *Телегін Д. Я.* Неолитические могильники мариупольского типа. Свод археологических источников.— К.: Наук. думка, 1991.
40. *Раппопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. — М.: Наука, 1971.
41. *Инал-Ипа Ш. Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми, 1971.
42. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Изд. 2-е. — М.: Наука, 1983.
43. *Итс Р.* Шепот Земли и молчание Неба. — М., 1990.
44. *Sauvin J.* Les premieres villages de Syrie-Poestine du IX-eme au VII-eme millenaire avant J.C. — Lion, 1978.
45. *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре//СА. — 1979. — № 4.

Резюме

Берестнев С. І. До питання про «поховання» та «могильники» кам'яного віку

Наявні данні свідчать, що в мустьєрську епоху палеоліту «поховання» небіжчика являло собою, перш за все, магічний акт, що мав на меті пожертвуванням померлого встановити (відновити) зв'язок з потойбічними силами і дістати їх прихильність. Про спонтанний, ситуаційний характер жертвоприношень свідчить статевовіковий склад похованих (з великою питомою вагою дітей, в тому числі немовлят, та літніх осіб), а також відсутність єдиного стандарту у поводженні з небіжчиками, навіть у межах конкретної пам'ятки. Місцезнаходження кісткових залишок людей серед залюдненого простору вказує на те, що жертвування набувало ще й функції організуючого початку, сприяло перетворенню хаосу у космос і збереженню світовлаштування. Поховання-жертвування цілком було обумовлене обставинами, що склалися і певною

мірою мало випадковий характер. За доби пізнього палеоліту роль «посередників» у стосунках з потойбічним все більше зосереджується у руках «обраних» — осіб, що завдяки фізичним або психологічним особливостям вирізнялися серед свого оточення і тому наділялися надзвичайними властивостями («поховання» на стоянках Мальта, Сунгирь та ін.). Посередницька функція представників культу (чаклунів, шаманів, знахарів і т. п.) простежується також за доби мезоліту, коли з'являються вже відокремлені від місць проживання церемоніальні центри, в межах яких зосереджується культово-магічна діяльність (Оленеострівський «могильник»). В неоліті існують довгочасні культові центри — відкриті святилища, де відбувались обряди по вшануванню мертвих (Маріупольський, Лисогорський та ін. «могильники»). Таким чином, пам'ятки, що традиційно відносяться до категорії поховальних, є підстави розглядати як «жертвні» місця, пов'язані з появою і розвитком культової діяльності.

Ключові слова: епоха мустьє, неандертальці, поховання, Оленеострівський могильник, культовий об'єкт, неолітичні могильники Подніпров'я.

Summary

S. Berestnev. To the Question of Burials and Burial Grounds of the Stone Age

The analysis of the data make possible to conclude the following: in the Mustyer's age the burials were a magic act aiming to connect with the other world forces and to propitiate them with the died community's member donation. The spontaneous, situation sacrifice character emphasizes the deceased sex-age composition (large specific gravity of children including new born) and absence of unified standards of handling with the deceased as well even in the concrete burial. The location of peoples' remains in the limits of inhabited space shows that the sacrifice obtained the function of organizing principle which changed Chaos into outer space and guaranteed reserve of the world's order. In the late Paleolithic period the role of «mediators» dealing with the other world transfers to the «selected» — the subjects with physically or psychologically stand out among their fellow-tribesmen and provided with special properties (burials at Malta, Sungir sites and others). Mediator functions of cult representatives can be seen in the Mesolithic age as well, when in a human consciousness the division of sacral and ordinary spheres of the universe caused to formation of separate from living places cult centers (for example Oleneoostrovsky burial mound). In the Neolithic period exist long-period ceremony centers — open space sanctuary, connected with the cult of dead (Mariupol, Nikolsk, Lysogorsk and other burial mounds). All in all there are grounds the monuments which traditionally regarded as burial to examine as sacrifice places, connected with appearance of cult activity.

Key words: Mustyer's age, neanderthal men, Oleneoostrovsky burial ground, cult object, Neolithic burial grounds of Podniprovyia.

